

ЧЕРНЫЙ АИСТ В УКРАИНЕ: МИФОТВОРЧЕСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В.Н. Грищенко

Black Stork in Ukraine: creating of myths continues. - V.N. Grishchenko. - *Berkut*. 5 (1). 1996. - The article by G.V. Fesenko (1996) disputes the reality of the Black Stork number increasing in Ukraine. It based on the analyze of results of censuses in 1977, 1984 and 1990-1991. The author decided by mistake, that methods of these censuses were different (recording of breeding pairs or nests) and obtained data are not comparable. He tries to correct the numbers and came to false conclusions, that the Black Stork number was decreasing since 1984 to 1991. All these conclusions are based on the misunderstanding. Methods of the all censuses were identical. Always occupied nests were recorded, that corresponds to breeding pairs. It is absurd to calculate the correlation between them and to make further conclusions. The Black Stork number increasing and the expansion of its breeding range have many evidences now. This process and changes in ecology of the Black Stork are discussed.

Key words: Black Stork, Ukraine, number, ecology, breeding range.

В последние годы появилось столько публикаций, как за рубежом, так и у нас, освещающих расширение ареала черного аиста (*Ciconia nigra*) и рост его численности, что доказывать реальность этого процесса вроде бы нет необходимости. Можно проследить по публикациям его ход и в Украине. Тем не менее недавно вышла статья, в которой рост численности черного аиста в нашей стране оспаривается (Фесенко, 1996). В спорах, как известно, рождается истина, но когда дискуссионная статья строится не на знании фактов и литературы, а лишь на копании в работах оппонентов в поисках мелких огрехов, это скорее отдаляет от нее, чем приближает.

Совершенно непонятно, на чем основана следующее утверждение Г.В. Фесенко: “Однако выводы, полученные при обследовании этих территорий [сопредельных с Украиной стран — В.Г.], на наш взгляд, без должной критичности экстраполируются на территорию Украины (Грищенко, 1992)” (с. 209). В упомянутой статье речь шла о том, что во многих не только популярных, но и научных работах, посвященных черному аисту, повторяются “по привычке” тезисы, которые давно не соответствуют действительности и превратились по сути в мифы. Первый и главный из них — продолжающееся сокращение его численности в Украине. Рост ее практически во всех странах Европы приводился лишь как *один из трех* аргументов, опровергающих это. Два других были основаны на внутреннем материале — увеличение цифр в учетах и появление гнезд в местах, где черные аисты давно уже не отмечались. Где тут экстраполяция? Но вся штука в том, что черный аист в состоянии сам “экстраполировать” свой рост численности на соседние территории, не спрашиваясь у орнитологов. Для переселения из Польши или Белоруссии на Украинское Полесье получать визу ему, слава Богу, не требуется. Закрывать на это глаза глупо. Мы не отгорожены от внешнего мира. И, как показывает анализ многочисленных литературных источников, эпицентр рас-

селения черного аиста в Европе находится как раз где-то в районе Польши, Прибалтики и Западной Белоруссии. Вообще впервые подъем численности отмечен в бывшей Восточной Пруссии (Tischler, 1941). Видимо, по мнению Г.В. Фесенко, этот продолжающийся уже десятилетиями процесс повлиять на Украину никак не может. Расселяющиеся во все стороны черные аисты облетают ее десятой дорогой? За 20 лет численность черного аиста в Польше выросла на 48 % (Keller, Profus, 1992). Это никак не отразится хотя бы на западе Украины? Наблюдения говорят об обратном. Быстрее всего расширение ареала черного аиста происходит у нас как раз в западных областях. Это может свидетельствовать в пользу того, что волна экспансии пошла именно с запада (Grishchenko, 1996). Между прочим, одной из главных причин продолжающегося расселения черного аиста в Западной Европе считается “популяционное давление” из восточноевропейских стран (Sackl, 1985; Brauneis, 1996 и др.). А пригодных для гнездования биотопов у нас все-таки гораздо больше, чем в Западной Европе.

В таблице 1 своей статьи Г.В. Фесенко сравнивает данные по численности черного аиста в западных областях Украины, которые приводятся различными авторами, и называет их “довольно противоречивыми”. Интересно, он что же, ожидал увидеть полное совпадение цифр? Вот в этом случае можно было бы усомниться в их достоверности — это была бы либо “липа”, либо плагиат. Данные И.М. Горбаня (1992), которые базируются на результатах атласных работ в Западной Украине, и наши (Грищенко та ін., 1992) достаточно близки между собой (хочу подчеркнуть, что они собраны разными методами). Сведения же, полученные С.Н. Жилой (1992), настолько фрагментарны, что их просто невозможно сравнивать с другими. Данные И.М. Горбаня у Г.В. Фесенко почему-то фигурируют в виде точных чисел, хотя у самого автора почти всем им предшествуют слова “около” и “до”. Это корректное сравнение? По поводу же Черновицкой области И.М. Горбань пишет лишь: “можно предположить гнездование 5–6 пар”. Это то, что называется экспертной оценкой численности, и

* — точка зору автора може не співпадати з позицією редакції.

сравнивать ее с числом реально учтенных гнезд нельзя. Подобным мелким огрехам можно бы не уделять так много внимания, если бы вся рассматриваемая статья не была посвящена анализу результатов учетов численности черного аиста и критике предполагаемых ошибок в методике. Ошибки эти, по мнению автора, в основном как раз и сводятся к некорректному сопоставлению данных. В таком случае можно было бы ожидать столь же взыскательного отношения к терминологии и цифрам и в своей работе. Увы, этого мы не видим.

Г.В. Фесенко приходит к выводу об ошибочности наших расчетов по увеличению численности. Увы, весь пафос этого “опровержения” построен на недоразумении. Автор, сопоставив несколько наших работ (Головач и др., 1990а, 1990б; Грищенко та ін., 1992), посчитал, что в ходе трех республиканских учетов черного аиста (1977, 1984 и 1990–1991 гг.) данные собирались по-разному: считались то сами птицы, то гнезда. Но из того, что в разных публикациях не делалось различий между числом зарегистрированных пар и гнезд, можно было бы сделать достаточно простой и очевидный вывод — его и не было. Во всех случаях учитывались *заселенные* гнезда, что соответствует гнездящимся парам. В таблицах, где приводились расчетные данные по численности, мы перешли к парам, поскольку численность популяции все-таки измеряется в парах или особях, но не в гнездах. Приводимое же для сравнения число зарегистрированных в 1984–1989 гг. гнезд взято из списка, опубликованного в нашей депонированной рукописи (Головач и др., 1990б). Поскольку там указывалось точное их местонахождение, писать о парах было бы неуместным. Понятно, что за 6 лет будет учтено гнезд больше, чем за один, поэтому эти данные можно использовать для проверки расчета численности. Часть гнезд за этот период могла исчезнуть, но далеко не все, да и в большинстве случаев птицы просто переселяются в другое место поблизости. Для черного аиста характерна как раз большая привязанность к гнездовой территории, но не к конкретному гнезду (Braunpeis, 1996). Сравнимые цифры оказались достаточно близкими, из чего и следует, что расчет базировался не на пустом месте.

Да, можно было бы в статьях специально оговорить тождественность пар и гнезд, но мне казалось достаточно очевидным, что пустые гнезда при учетах численности в расчет не принимаются. Вполне очевидно также то, что полученные данные проходят первичную обработку и сомнительные или неподтвержденные отбраковываются, поэтому понимание Г.В. Фесенко о том, что “не так уж редки случаи, когда анкетированный, указывая место расположения гнезда птицы, лишь подразумевает, что оно используется в данный гнездовой сезон. Самых гнездящихся птиц он мог видеть несколькими годами ранее.” (с. 212), выглядит несколько надуманным (кстати, как уже говорилось, то, что гнездо в данном году пусто, еще не значит, что пара исчезла

— она могла просто переселиться в другое место, которое осталось неизвестным, т. е. разрыв в цифрах при учете пар и гнезд не столь велик, как это хочет представить автор). Ошибочная исходная посылка потянула за собой целую цепочку ложных выводов. Лишенные этой единственной и шаткой “подпорки” все они повисают в воздухе. Сколько гнезд было учтено за 5 лет дополнительно, можно вычислить при помощи предельно простой арифметики: $254 - 171 = 83$, т. е. еще почти половина от имевшихся. Г.В. Фесенко же после глубокомысленных рассуждений лепит все их в 1984 г. и начинает сравнивать число гнезд и число пар, после чего вводит совершенно абсурдный и высосанный из пальца показатель — “соотношение между числом пар и количеством гнезд”. Далее с его помощью он уменьшает полученную в учете 1990–1991 гг. цифру и приходит к выводу о сокращении численности черного аиста в Украине! Оказывается, если прочитать статью шиворот-навыворот, то можно найти и то, чего в ней нет. Говорят, так ведьмы читали “Отче наш” задом наперед и получали бесовские заклинания.

Г.В. Фесенко нашел арифметическую ошибку в расчетах в одной из наших статей (Грищенко та ін., 1992). Этого ему оказывается достаточно, чтобы усомниться в реальном существовании роста численности, хотя им же откорректированные данные показывают еще большее увеличение цифр. Я не собираюсь подвергать сомнению то, что Г.В. Фесенко действительно читал разбираемую им работу, только на том основании, что в таблице 2 своей статьи он ее неправильно цитирует.

Отыскалась ошибка и в другой статье (Головач и др., 1990а). Суть ее в том, что строка “Всего” в таблице 1 оказалась не на своем месте (итоговые цифры относятся лишь к областям, для которых проводился пересчет численности), к тому же по вине издательства две колонки в ней сдвинуты. Чтобы разобраться во всем этом при необходимости, достаточно просуммировать приведенные данные по колонкам, что и сделал Г.В. Фесенко. Он использует эти числа и отмечает, что они “существенно отличаются от сумм, приведенных самими авторами” (с. 211). Отличаются они в одном случае на 4, в другом — на 13 (3 % и 8 % соответственно). Раньше мне казалось, что слово “существенный” в русском языке имеет несколько иное значение. Да и называть это “неправильными сведениями” тоже вряд ли корректно.

Попытки “привязать” рост численности черного аиста в Киевской области к аварии на Чернобыльской АЭС выглядят вообще смешными. В доказательство этого Г.В. Фесенко сравнивает мои данные за 8 лет со своими. Но из 28 гнезд, упоминавшихся в моей работе (Grishchenko, 1993), большинство было обнаружено в 1985–1986 гг., т. е. до аварии или сразу после нее. Таким образом, ничего это сравнение не доказывает. “Резкий рост численности аиста в зоне Чернобыля” (с. 213) еще нужно под-

твердить цифрами. Приводимые автором данные из ранее опубликованной работы (Фесенко и др., 1992) — до 12 ежегодно гнездящихся пар в 1988–1992 гг. — также ни о чем говорят. В ходе операции “Черный аист” в 1985 г. нами было учтено в Полесском и Чернобыльском районах Киевской области 7 заселенных гнезд (= гнездящихся пар) (Грищенко, 1986). Еще 7 гнезд-пар в других местах этих же районов зарегистрированы О.Ф. Головачом в 1984 г. (Головач и др., 1990б). Итого — 14. 12 пар говорят о росте численности? Я не сомневаюсь, что установление “заповедности” в Чернобыльской зоне отчуждения будет способствовать росту численности черного аиста и многих других редких видов, но постулировать а priori этого не стоит, а тем более считать зону центром расселения черного аиста в Украине.

Я рад, что Г.В. Фесенко познакомился с методикой Э. Шюца, давно применяемой во всем мире (в том числе и у нас) для учетов белого аиста (*Ciconia ciconia*), по работе З. Якубца и И. Самушенко (1992). Кстати, основное ее отличие от многих других всего лишь во введении простых и удобных обозначений для различных категорий гнездовых пар. Рекомендовать же безоговорочно взять эту методику за основу для работы с черным аистом в наших условиях я бы поостерегся. Дело в том, что в ней в расчет принимаются только реально найденные гнезда (заселенные или пустующие) и совершенно не предусмотрена такая категория, как предполагаемые места гнездования. Это понятно, поскольку методика разрабатывалась для белого аиста, для которого уточнить, есть гнездо в данном месте или нет, не так уж сложно. Увы, этого не скажешь о черном аисте, да еще в безбрежных полесских лесах. Если же такие данные не учитывать, то это приведет к существенному занижению численности. Для черного аиста более применима методика, используемая в программе мониторинга за хищными птицами и совами Европы (Jahresbericht ..., 1995): учитываются пары гнездящиеся; вероятно гнездящиеся; неразмножающиеся, но занимающие гнездовой участок. Для решения этой проблемы — максимальный учет данных при стандартизации их подачи и обработки — при разработке программы мониторинга за популяциями белого и черного аистов в Украине мною был использован своего рода “гибрид” этих двух методик (Мониторинг ..., 1994).

Г.В. Фесенко весьма требователен к терминологии в чужих работах, переходя же к цитированию своих, он “поступается принципами”. Ссылаясь на уже упоминавшиеся тезисы (Фесенко и др., 1992), он пишет: “... в зоне отчуждения, примыкающей к ЧАЭС, в 1988–1992 гг. ежегодно отмечалось до 12 гнездящихся пар черного аиста...” (с. 213). Из текста же самой работы следует, что гнезда были найдены лишь для 2 из них, остальные, насколько я понимаю, — это предполагаемые места гнездования, что не совсем одно и то же. Но это мелочь. В

этой работе есть более интересные моменты. Например, такой поразительный по своей “логичности” пассаж. На с. 153 читаем: “Гнездовой ареал вида в последнее десятилетие сократился и сейчас включает в себя незначительную часть долины Днепра — северную четверть Киевской области, севернее р. Тетерев...”. И уже в следующем абзаце: “В гнездовой период черный аист отмечается и вне нынешнего района гнездования, что можно объяснить некоторым возрастанием численности вида за последние 5 лет и связанными с этим попытками восстановить гнездовой ареал в границах прошлых лет”. Интересно, тот, кто написал эту фразу, читал предыдущую? Или же первые 5 лет за рассматриваемое десятилетие численность действительно падала (раз ареал сокращался), а последующие — увеличивалась? В таком случае кто, когда и как установил это с такой ювелирной точностью? При чем, первое из этих утверждений неверно и само по себе: во-первых, полученные в ходе операции “Черный аист” анкетные и опросные данные, результаты II республиканского учета численности черного аиста, последующие публикации и неопубликованные материалы свидетельствуют, что уже в начале 1980-х гг. численность этого вида в Киевской области возрастала и ареал расширялся. Во-вторых, черный аист в рассматриваемый авторами период гнезвился и южнее Тетерева. Это классический пример научного мифотворчества, когда в работах приводятся без какого-либо обоснования заученные хрестоматийные истины, давно уже не соответствующие действительности.

Вносит свою лепту в мифотворчество Г.В. Фесенко и в последней своей работе. Интересно на чем основано следующее утверждение: “В выборе же условий гнездования черный аист остается консервативным, подтверждением чего является восстановление его гнездования в Чернобыльской зоне” (с. 213–214)? Это опять постулат без какого-либо обоснования. Кроме того, каким образом “восстановление гнездования” в Чернобыльской зоне доказывает консервативность в выборе его условий? На территории зоны черные аисты стали встречаться в выселенных селах, их наблюдали даже на крышах домов (Фесенко и др., 1992). Это консервативность? Да и выше уже говорилось, что “восстановление гнездования” еще нужно доказать с цифрами в руках. Как быть с фактами появления гнезд черного аиста по краям вырубок, у дорог (Черкас, 1989; наши данные), вблизи населенных пунктов (Гузий, 1990) и построек в лесу (Жежерин, 1961)? В последнее время в Гомельской области все больше их стало отмечаться в “нетрадиционных” местах. Пара птиц поселилась даже в старом гнезде белого аиста в одном из сел (очевидно в выселенном, но в работе об этом, к сожалению, ничего не говорится) (Tcherkas, 1995). Как объяснить то, что, например, в Латвии более 40 % встреч кормящихся птиц приходится на полностью искусственные биотопы — мелиоративные каналы и рыбо-

разводные пруды (Strazds, 1993)? Увеличение количества рыборазводных хозяйств способствовало росту численности черного аиста в Белоруссии (Kozulin, 1996). Можно увидеть скопления из десятков черных аистов на рыбных прудах и в Украине. Это не приспособление к новой среде обитания?

Мое мнение о том, что главная причина роста численности черного аиста — возросшая адаптация к изменяющимся условиям (Грищенко, 1992), Г.В. Фесенко посчитал “в значительной степени спекулятивным”. Что же, о причинах этого процесса можно спорить (автор, правда, не предлагает взамен своей версии). Моя точка зрения на это достаточно подробно изложена в недавно вышедшей статье (Грищенко, 1994), повторяться не вижу смысла. Хочу добавить лишь то, что от самой адаптации никуда не деться, независимо от ее влияния на рост численности. В ходе расселения и восстановления ареала птицы возвращаются в уже значительно трансформированные человеком местообитания. За последние десятилетия произошло сильное омолаживание и изменение породного состава лесов, существенный след оставило увлечение мелиораций, уничтожены пойменные леса и затоплены плавни при создании водохранилищ и т. д., и т. п. Тем не менее, черные аисты расселяются. Появляется все больше гнезд в Лесостепи, где в небольших островных лесах эти антропогенные изменения наиболее ощутимы. Может это происходит без приспособления к изменившимся условиям? Гораздо большая терпимость черного аиста к человеку и его хозяйственной деятельности отмечается и в Западной Европе (Sackl, 1985 и др.).

В последнее время в Украине происходит рост численности и восстановление ареала целого ряда редких видов птиц — черного аиста, серого журавля (*Grus grus*) (Клестов, Гаврись, 1996), орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) и др. Популяции их изучены у нас очень плохо, динамика численности не прослежена. Разобраться в пестрой меняющейся картине сложно, и не стоит все еще больше запутывать возрождением старых и созданием новых мифов, о чем мной уже говорилось (Грищенко, 1992).

ЛИТЕРАТУРА

- Головач О.Ф., Грищенко В.Н., Серебряков В.В. (1990а): Распространение, численность и миграции черного аиста на Украине. - Рукоп. деп. в ВИНТИ 26.02.1990. № 1110-В90. 1-48.
- Головач О.Ф., Грищенко В.Н., Серебряков В.В. (1990б): Современная численность, распространение и миграции черного аиста на Украине. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 191-203.
- Горбань И.М. (1992): Изученность и попытки оценок численности черного аиста на Украине. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 186-194.
- Грищенко В.Н. (1986): Предварительное сообщение о результатах анкетного учета черного аиста в Киевской области. - Изуч. птиц СССР, их охрана и рац. использов.: Тез. докл. I съезда ВОО и IX Всесоюзн. орнитол. конфер. Л. 1: 175.
- Грищенко В.М. (1992): Чорний лелека в Україні: міфи і реальність. - Чорний лелека в Україні. Чернівці. 26-29.
- Грищенко В.Н. (1994): Динамика численности и ареала черного аиста в Европе. - Беркут. 3 (2): 91-95.
- Грищенко В.М., Головач О.Ф., Серебряков В.В., Скільський І.В., Савчук О.В. (1992): Підсумки проведення “Року чорного лелеки” в Україні. - Чорний лелека в Україні. Чернівці. 1-16.
- Гузій А.І. (1990): Черный и белый аисты в Украинских Карпатах. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 224-226.
- Жежерін В.П. (1961): Про поширення чорного лелеки у Волинській області. - Зб. праць Зоол. музею АН УРСР. 30: 82-84.
- Жила С.Н. (1992): Распространение черного аиста на Украине. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 194-197.
- Клестов Н.Л., Гаврись Г.Г. (1996): Серый журавль (*Grus grus*) в Украине: территориальное размещение, численность и охрана. - Праці Укр. орнитол. товариства. Київ. 1: 192-201.
- Моніторинг за популяціями білого і чорного лелек в Україні. (1994): Річний бюлетень № 1. 1992. Чернівці. 1-12.
- Фесенко Г.В. (1996): Анализ результатов учетов численности черного аиста (*Ciconia nigra*) в Украине. - Праці Укр. орнитол. товариства. Київ. 1: 208-215.
- Фесенко Г.В., Габер Н.А., Клестов Н.Л. (1992): К материалам пребывания черного аиста в долине Днепра. - Пробл. охорони видів фауни і флори, занес. до Червоної книги України. Миколаїв. 152-154.
- Черкас Н.Д. (1989): Причины изменения численности черного аиста (*Ciconia nigra* L.) в Полесье. - Динамика зооценозов, пробл. охраны и рац. использов. жив. мира Белоруссии: Тез. докл. 6 зоол. конфер. Минск. 265-266.
- Якубец З., Самусенко И. (1992): Международная методика учета аистов и замечания о программе и направлениях дальнейших исследований. - Аисты: распр., экология, охрана. Минск: Наука і тэхніка. 164-172.
- Brauneis W. (1996): Vom Schwarzstorch *Ciconia nigra* in Hessen. - Orn. Mitteilungen. 48 (7): 161-170.
- Grishchenko V. (1993): The Black Stork in the Kiev region of the Ukraine. - 1st Intern. Black Stork Conserv. and Ecology Symp. Jurmala. 44.
- Grishchenko V. (1996): Dynamics of the Black Stork breeding range in Ukraine. - II Intern. Confer. on the Black Stork. Trujillo. 32.
- Jahresbericht zum Monitoring Greifvögel und Eulen Europas. (1995): Halle/Saale: Martin-Luther-Universität. 1-91.
- Keller M., Profus P. (1992): Present situation, reproduction and food of the Black Stork in Poland. - Les cigognes d'Europe. Metz. 227-236.
- Kozulin (1996): Nahrungverhalten des Schwarzstorches *Ciconia nigra*. - Orn. Mitteilungen. 48 (7): 170-172.
- Sackl P. (1985): Der Schwarzstorch (*Ciconia nigra*) in Österreich - Arealausweitung, Bestandsentwicklung und Verbreitung. - Vogelwelt. 106 (4): 121-141.
- Strazds M. (1993): Die Änderungen der Nahrungsbiotope der Schwarzstörche in Lettland und deren möglicher Einfluß auf die Storchpopulation Lettlands und Europas. - Int. Weißstorch- und Schwarzstorch-Tagung. März 1992. Tagungsband. (Schriftenreihe für Umwelt und Naturschutz im Kreis Minden-Lübbecke. 2). 49-53.
- Tischler F. (1941): Die Vögel Ostpreußens und seiner Nachbargebiete. Königsberg, Berlin. 2: 721-1304.
- Tcherkas N.D. (1995): Black Stork adaptation to transformation of breeding biotopes. - Bird Numbers 1995. Pärnu. 51.

Україна (Ukraine),
258300, Черкасская обл.,
г. Канев, Каневский заповедник.
В.Н. Грищенко.